

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ МОГЛА НЕ ПРОИГРАТЬ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (социально-экономические аспекты)¹

ПОПОВ ГРИГОРИЙ ГЕРМАНОВИЧ,

доцент, кандидат экономических наук,
Московский государственный областной университет,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru

В данной статье проведен анализ социально-экономических причин поражения Российской империи в Первой мировой войне, автором сформулировано пять факторов, объясняющих проигрыш Великой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; мобилизация; Антанта.

This article analyzes the social-economic reasons for the defeat of the Russian Empire in World War I, five factors explaining the loss the Great War are formulated by the author.

Keywords: World War I; mobilization; Entente

Коды классификатора JEL: H56.

Первая мировая война в корне изменила ход не только российской истории (спровоцировав революционные события 1917 г.), но и истории всего мира. Как отмечали многие исследователи прошлого века, новый мир родился в окопах Великой войны (термин «Первая мировая война» вошел в обиход исторической науки только после Второй мировой войны). Хотя в направлении изучения социально-экономических причин, развития и последствий Первой мировой войны сделано много, однако эта тема продолжает содержать немало пробелов. Особенно это касается российской историографии.

Практически до конца XX в. никто в отечественной исторической науке не занимался социально-экономическими аспектами Первой мировой войны. Первым, кто еще в советский период проанализировал финансирование военных программ царской России начала XX в., был К.Ф. Шацилло. Его работы и сейчас остаются почти единственными аналитическими исследованиями экономических причин военных неудач Российской империи периода ее окончательного заката. Однако исследования К.Ф. Шацилло в основном ограничиваются бюджетной политикой России в аспекте финансирования вооруженных сил.

Что касается западной историографии темы участия России в Первой мировой войне, то здесь ситуация не намного лучше. Наиболее известной новейшей аналитической работой по экономической истории Первой мировой войны является коллективная монография под редакцией Стефана Бродберри и Марка Харрисона². Написанная профессором экономической истории Питером Гатреллом глава этой книги, посвященная России, красноречиво названа «Несчастливая Россия, несчастное зрелище...». Авторы «Экономики Первой мировой войны» стремятся доказать полную неспособность Российской империи вести долгосрочную войну со

¹ Автор выражает глубокую благодарность Ю.В. Латову за большую помощь в редактировании данной статьи.

² См.: The Economics of the World War I. Ed. by S.N. Broadberry, M. Harrison. Cambridge University Press. 2005.

странами Центра. К сожалению, в труде С. Броудберри и М. Харрисона нет ни одной ссылки на российских исследователей — если не на К.Ф. Шацилло, то хотя бы на белоэмигрантского Н.Н. Головина, который еще в 1930-е гг. дал довольно глубокий анализ социально-экономических причин поражения России в Первой мировой войне.

Мы не разделяем полностью идею С. Броудберри и М. Харрисона, что фатальная судьба Российской империи была предрешена всецело ее отсталой полуфеодальной хозяйственной системой. В истории есть немало примеров, когда страна с более архаичной экономикой побеждала более передовую страну (хрестоматийные примеры из нашей истории — Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г.). Чтобы совершенно «вдрызг» проиграть Великую войну³, надо было иметь не только отсталую национальную экономику, но также отсталое управление военным снабжением и отсталое управление армией в целом. Вот эти очень существенные аналитические промежуточные элементы зарубежные историки склонны пропускать.

СОЮЗНИКИ, КОТОРЫЕ ХУЖЕ ВРАГОВ

Война заканчивается победой, когда страна-победитель получает в итоге такую ситуацию, которая лучше, чем та, которая существовала перед началом войны. Улучшения могут проявляться в территориальных приращениях, в контрибуциях с противника, в повышении авторитета нации и т.д. С этой точки зрения, кстати говоря, единственными явными победителями Великой войны были США и Япония. Франция и Великобритания могут считаться победителями лишь с большой степенью условности: контрибуции и национальный престиж оказались куплены ценой чудовищных материальных потерь. Что же касается России, то она по итогам Первой мировой *в принципе* не могла выиграть что-то существенное, компенсирующее неизбежные высокие потери.

Следует подчеркнуть, что Антанта была очень своеобразным военно-политическим объединением. Если в XX в. государства НАТО и Варшавского блока объединялись общностью политических режимов и геополитических интересов, то в случае с Антантой этого не было. Консервативная Россия вступила в союз со своими старыми антиподами — республиканской Францией и конституционно-монархической Великобританией. Можно вспомнить Крымскую войну, во время которой Россия потерпела поражение как раз от будущих союзников по Антанте, и малоудачные результаты русско-турецкой войны 1877–1878 гг. после Берлинского конгресса, где Великобритания, по существу, отняла у России все выгоды от победы. Англичане всегда рассматривали Россию как потенциальную угрозу своим колониям и, в свою очередь, угрожали российским колониям. Можно вспомнить, что Российская империя вынуждена была в 1867 г. продать Соединенным Штатам почти за бесценок Аляску, опасаясь, что эта территория будет захвачена Британией и станет плацдармом для дальнейших английских вторжений уже на русский Дальний Восток.

Сближение с Великобританией и Францией имело определенный смысл с точки зрения завоевания авторитета у российской «прогрессивной общественности». Ро-

³ Даже в наши дни сокрушительное поражение России в Первой мировой войне признается не всеми. Вполне понятно, почему российские ветераны Первой мировой войны, ставшие белыми эмигрантами, в большинстве своем отказывались признавать факт поражения России в Великой войне. В белоэмигрантских кругах получила распространение теория заговора, которая активно культивировалась врагами большевиков еще в годы Гражданской войны. Исследуя тему участия России в Первой мировой войне в наши дни, мы можем позволить себе более объективный взгляд на историю тех событий. Разумеется, судя по итогам войны для России, она потерпела сокрушительное поражение: Российская империя прекратила свое существование, а возникшее на ее месте государство (СССР) находилось в более узких границах, поскольку были утрачены многие территории (включая и такие исконные российские земли, как Волынь). По итогам войны оказались утрачены «православие, самодержавие и (единая русская) народность», которые провозглашались основой дореволюционной России.

мановы нуждались в поддержке со стороны российского общества, которое в конце XIX в. идейно быстро разваливалось. России, как бы сейчас сказали, остро требовалась национальная идея, и антинемецкие политические фобии для этого как раз подходили.

Можно подумать, будто союз с Францией и Великобританией был нужен России, чтобы освободить «братьев-славян» и армян от австро-венгров и турок. Однако мнение, будто российские императоры всегда кровно радели за братьев-славян и прочие дружественные народы, едва ли соответствует действительности. В 1820-е гг. у России имелась прекрасная возможность освободить Балканы от турок, но Александр I и Николай I твердо придерживались политики борьбы с революциями, тем более с национально-освободительными. Поэтому Николай I колебался даже в вопросе помощи восставшим грекам. В 1848 г. этот же император послал экспедиционный корпус подавлять возмущившихся против Австрии венгров, даже не пытаясь оказать какую-то помощь политическому освобождению хорватов, сербов, чехов и других славян Австро-Венгрии.

Российская империя сама имела очень похожие проблемы, это — освободительное движение в Польше и восстания горцев Кавказа. Поэтому Россия готова была давить любые освободительные движения в Европе и Азии либо сохранять нейтралитет, даже если речь шла о православных славянах. Справедливости ради надо заметить, что и «братья-славяне», глядя на участь поляков, тоже не пылали к Российской империи большой любовью.

Отсутствие реальных основ для сотрудничества привело к ненормальной ситуации в годы Первой мировой войны, когда западные союзники рассматривали Россию в лучшем случае как «пушечное мясо», а в худшем — как куклу для избиения германской армией. Российское же правительство даже не могло объяснить обществу и армии, ради каких именно целей идет тяжелая война.

Восточный фронт на протяжении всей войны занимал по отношению к Западному фронту сугубо подчиненное положение. В то время как русская армия в 1915 г. страдала от снарядного голода, склады французов ломились от артиллерийских боеприпасов. Англичане также отнюдь не торопились помогать России. А чтобы русские не реализовали давнюю идею захвата Стамбула-Константинополя, в самом начале войны англичане «по ошибке» пропустили в Турцию германские военные корабли, после чего русский десант на Босфор стал невозможным. В принципе, русским Константинополь был обещан в качестве платы за помощь против Центральных держав, но это обещание западные союзники априори не собирались выполнять.

Справедливости ради надо отметить, что ставка западных союзников на то, что Россия с ее большими людскими ресурсами вымотает Германию, пока французы и англичане будут потихоньку готовить новые силы, не вполне оправдалась. Наиболее сильные германские дивизии навсегда остались на Западном фронте. К несчастью для Франции и Великобритании, германские главнокомандующие упорно следовали идеям Шлиффена, отдавая предпочтение активным действиям на Западе. Исключение составило только летнее германское наступление 1915 г., в результате которого Россия потеряла территорию Польши. Если бы немцы рвались в первую очередь не к Сомме и Вердену, а к Москве и Санкт-Петербургу, Россия могла бы потерпеть сокрушительное поражение уже на второй год войны.

Не менее «странным» для России оказался союз с Японией. Когда японцы вступили в 1914 г. в войну на стороне Антанты, Россия оказалась в одной лодке со своим давним противником. Собственно, для всех западноевропейских держав Япония, претендующая на роль гегемона Дальнего Востока, однозначно была военно-политическим соперником. Правда, Великобритания и Франция надеялись повторить сценарий русско-японской войны 1904–1905 гг., т.е. купить поддержку Японии за счет русских интересов. И этот план чуть-чуть не реализовался.

Весной 1917 г. западные союзники, рассматривая прогнозируемое крушение Русского фронта, предполагали перебросить в Европу миллион японских солдат. В обмен англичане и французы планировали отблагодарить Микадо приращением новых территорий к его империи. Какими же территориями? Не германских колоний в Тихом океане и не французских островов, а землями подконтрольных тогда России Маньчжурии и Уссурийского края. Поэтому в ноябре 1917 г., когда произошла большевистская революция в России, Япония, логично восприняв это событие как факт выхода России из войны, объявила ей войну. Цели японского правительства были просты — захватить русский Дальний Восток, а предлог был дан западными союзниками — неисполнение Россией своих союзнических обязательств. Именно благодаря Японии Гражданская война на Дальнем Востоке тянулась до 1922 г.

Справедливости ради надо заметить, что не меньше, чем России, не повезло с союзниками Германии. Италия перешла на сторону Антанты (чем, правда, мало ее усилила). Австро-Венгрия имела слабую армию и множество внутренних проблем, а Османская империя сама нуждалась в военной помощи Германии. Единственным крупным эффектом от вступления Турции в войну на стороне государств Центра стало то, что Россия оказалась запертой с Черного моря, что значительно подорвало ее экономику. Болгария же вообще не хотела воевать, кроме нескольких ее генералов, ввязавших свою страну в военную авантюру.

Таким образом, в самом лучшем случае, если бы Российская империя «дожила» до конца Первой мировой войны, то ее ждал второй Берлинский конгресс. Наши западные союзники постарались бы немецкими репарациями с Россией не делиться, Польшу провозгласить независимой, а от побежденной Турции «подбросить» России немного Малой Азии, но ни в коем случае не Константинополь. Как известно, после победной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начался террор народовольцев. После победной Великой войны, в которой Россия понесла гораздо большие потери и практически ничего не получила, неминуемо начались бы массовые революционные выступления. Ближайшая аналогия — история Италии, которая тоже воевала на стороне Антанты, тоже многое потеряла, но ничего не получила, что едва не привело в 1920-е гг. к революции. С такими «хорошими» союзниками, как в Антанте, Россия не могла выиграть Великую войну, даже оказавшись в числе победителей.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Эффективной альтернативой ожесточенным и малорезультативным боям на Восточном фронте с Германией и Австро-Венгрией могло стать создание сильной армии в Закавказье для разгрома Турции. Россия в случае разгрома Турции могла затем перебросить высвободившиеся в Закавказье сухопутные части через Малую Азию на Балканы, что означало, если использовать шахматную терминологию, шах и мат Австро-Венгрии и, возможно, всему Центру. При таком сценарии Черное море могло стать внутренним морем Российской империи.

Реально осенью 1914 г. Россия располагала у границ с Османской империей весьма скромными сухопутными силами — после мобилизации в общей сложности не более 360 тыс. солдат и офицеров. Однако и это количество было растянуто по обширному фронту от Черного моря до озера Урмия (южный фланг закавказской группировки русских войск уходил в Персию). К 1917 г. России удалось развернуть в Закавказье несколько корпусов общей численностью примерно 850 тыс. человек (столько было по официальной статистике, фактически Кавказский фронт насчитывал не более 600 тыс. солдат и офицеров). Но этого количества в условиях горной войны с упорным противником было мало.

Одна из причин слабости российских вооруженных сил на Кавказском фронте в том, что регион Закавказья был связан с коренными губерниями империи только одной однокорейной дорогой, имевшей, разумеется, низкую пропускную способность. Именно из-за этого в начале войны России удалось сконцентрировать против Турции сравнительно мало войск. Повторилось то же, что было во время русско-японской войны, когда войска можно было перебрасывать на Дальний Восток по единственной железной дороге.

Но главная проблема российских войск в Закавказье заключалась не в их численности, а в их снабжении. Оно было более чем минимальным: на одно полевое орудие выделялось по 50 выстрелов, что в 20 раз меньше даже довоенной нормы по российской армии.

Нельзя не удивляться тому, что даже в таких условиях русские войска в Закавказье сумели в 1914–1915 гг. не только отбить натиск турок, но и провести ряд успешных наступательных операций, имевших, правда, только тактический эффект.

Создание сильной группировки русских войск в Закавказье могло вообще заставить Турцию сохранить нейтралитет в войне. Ведь основные экономические и людские ресурсы Османской империи находились в Малой Азии, и захват хотя бы 50% ее территории мог бы уничтожить саму Османскую империю. Но до 1915 г. Россия с трудом могла даже оборонять подступы к Батуми, где добывалось 20% всей медной руды Российской империи, остро необходимой для производства дефицитных снарядов.

Причина такого пренебрежения к Кавказскому фронту лежала в предвоенной стратегии Российского Генерального штаба относительно Османской империи.

Большие потери в войне 1877–1878 гг. (победа оказалась для России буквально «пирровой») убедили русских генералов в рискованности проведения сухопутных операций крупного масштаба против Турции. Русские генералы конца XIX в. сочли большие потери в период войны за освобождению Болгарии результатом сложного рельефа местности, который позволил туркам долго обороняться сравнительно малыми силами. Поскольку в Закавказье местность еще более гористая, чем в Болгарии, во время Первой мировой войны активных боевых операций русских войск там в принципе не планировалось.

На самом деле истинной причиной слишком больших потерь русской армии в 1877–1878 гг. стали не балканские хребты, а отсутствие у русской армии современной по тем временам артиллерии, которая была у турок. Существенную роль играла и некомпетентность верховного командования в лице самого Александра II, который к тому же нес значительную долю ответственности за перевооружение армии. Поскольку никто из генералов не мог тогда открыто об этом сказать, виноватыми стали горы. И воевать в горах Закавказья русская армия опасалась. К тому же в 1890-е гг. Турция провела реформу своей армии, после чего России противостояла уже настоящая армия европейского образца. Что такое новая турецкая армия и на что она способна, продемонстрировала неудачная операция Великобритании в Галлиполи.

Гораздо успешнее в стратегическом отношении, как решили стратеги еще Александра II, не воевать с турками в Закавказье, а быстрым десантом овладеть Босфором и Дарданеллами. Однако возник вопрос с британским флотом: Англия, несомненно, заступилась бы за Турцию, едва ей стали бы известны приготовления к высадке российских войск у Стамбула. Для этой проблемы было найдено решение: Россия создала секретный запас вооружений, который должен был быть передан войскам, как только они получили бы приказ о подготовке к десанту. Однако перспектива сохранения в секретности столь масштабной операции была сомнительна. Тем не менее, и в начале XX в. российское командование продолжало придерживаться в Причерноморье старой стратегии времен Александра II и Александра III (*Шаццлло* 2000, 57–83).

Идея десанта на берегах Босфора могла бы реализоваться во время Великой войны, когда Турция оказалась прямым и явным врагом Великобритании, а потому Россия могла не бояться прямого противодействия британского флота. Но русский десант на Босфоре мог осуществиться с большой долей вероятности, только если турецкие флот и силы береговой охраны оставались бы в том же состоянии, в каком они находились в конце 1870-х гг. Однако в Османской империи армия все-таки развивалась, у турок к началу XX в. появились и мины, и минные заградители (произошло это, кстати говоря, благодаря английской военно-технической помощи), что уже ставило русский план стремительного морского броска на Стамбул под большое сомнение. Появление же у Турции боевых кораблей дредноутного типа вообще исключало вероятность российской десантной операции. Правда, даже в Первую мировую войну находились горячие головы, продолжавшие отстаивать идею взятия Стамбула с моря.

ПАРАДОКС С ЛЮДСКИМИ РЕСУРСАМИ РОССИИ

Еще одна причина поражения России в Великой войне связана с тем, что для армии остро не хватало людей. В результате не удалось использовать главную козырную карту отсталой нации в войне с более передовой нацией — возможность не особо считаться с потерями.

Нехватка бойцов кажется очень странной, ведь Россия имела к 1914 г. самое крупное в Европе население — 167 млн человек. На этом основании русские и французские стратеги считали, что Российская империя задавит численностью своих армий Германию в первые же недели войны. Но этого не произошло: людские ресурсы России оказались сильно переоценены.

Прежде всего, в число годных к призыву мужчин в Российской империи не попадали так называемые «инородцы». Правда, была «Кавказская туземная дивизия» и прочие подобные «туземные» формирования, но их существовало даже к концу войны сравнительно мало. В отличие от России, Британия и Франция активно привлекала к службе в своих армиях представителей туземного населения колоний. Скажем, англичане в 1917 г. привлекли до полумиллиона китайцев и египтян к работам в строительных нестроевых частях (причем арабские историки утверждают, что их соплеменники угонялись британскими властями на фронт насильно).

Инородцы могли поставить в российскую армию 10 млн человек. Правда, качество этих контингентов было не на самом высоком уровне, однако кавказские формирования вполне можно было применять во второстепенных боевых действиях (например, на Румынском фронте). Опыт «Кавказской туземной дивизии» показал, что инородцы сражаются ничуть не хуже русских. Но режим Романовых принципиально отказывался от идеи о призыве представителей тех национальностей, которым было запрещено служить в армии.

Согласно уставу 1874 г. и закону 1912 г., которые регулировали вопросы призыва, освобождение от воинской службы предоставлялось всему инородческому населению Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, Сибири, а также коренному населению Мезенского и Печорского уездов Архангельской губернии. Народы Северного Кавказа после 1887 г. также стали привлекаться к воинской службе, но на особо облегченных условиях.

В начале войны отдельные добровольческие армянские подразделения отчасти составлялись из числа армянских перебежчиков. Армянские отряды в составе Закавказской группировки русских войск возглавил в 1914 г. Армен Каро (настоящее имя — Нампарсум Боясян) бывший депутат турецкого парламента от Эрзурума. Может показаться непонятным, зачем российское командование согласилось на такое столь открытое участие османских армян в боевых операциях, нарушив тем самым

тогдашние правила ведения войны и спровоцировав геноцид армян. Ведь для создания армянских специальных формирований (если надо было придать войне в Закавказье этнический и религиозный оттенок) вполне можно было привлечь и российских армян, а перебежчиков просто тихо включать в их состав. Ответ прост — армян в российской армии было очень мало, в отличие даже от северных кавказцев, из которых русские генералы сумели сколотить всего лишь одну дивизию. Для сравнения: в турецкой армии до войны служило около 60 тыс. армян, многие из них и стали перебежчиками.

Даже в конце Первой мировой войны формирования уже независимых закавказских республик имели незначительную численность, в них было много необученных солдат. Поэтому Грузия и Армения с трудом могли отражать натиск уже разбитой и обескровленной турецкой армии. Грузинам в 1918 г. помогли немецкие формирования, проникшие в Закавказье через Кубань. Русские же солдаты бросили Закавказье, остались только верны долгу малочисленные казачьи отряды и группы офицеров.

Такое пренебрежительное отношение Российской империи к православным народам Закавказья не совсем понятно. Ведь если с мусульманами у русского правительства не всегда складывались, скажем так, хорошие отношения, то армяне и грузины всегда рассматривали Россию как защиту от Турции.

Главная причина нехватки солдат заключается в том, что в России было много не годных к службе молодых мужчин, так называемых «белобилетников». Их насчитывалось перед войной около 6 млн человек. После всех переосвидетельствований военного времени даже в конце 1916 г. оставалось около 5 млн белобилетников. Общая же численность годных к службе мужчин призывного возраста оценивалась в 26 млн человек.

Почему же каждый пятый мужчина в России был так болен, что не мог служить в армии?

Надо также учесть, что предельный призывной возраст в Российской империи был 43 года, тогда как в государствах Центра он был 50 лет. Когда в конце 1916 г. встал вопрос об увеличении верхней планки призывного возраста, то у думских депутатов и военных возникло сомнение по поводу того, смогут ли мужчины старше 43 лет вообще служить в армии, ведь многие из них уже находились на иждивении в своих семьях. Таким образом, большинство российских мужчин в возрасте старше 43 лет не могли даже работать в тылу.

Ничего удивительного в этом нет, так как средняя продолжительность жизни мужского населения в России составляла в конце XIX — начале XX вв. 31–32 года. Те россияне, кто доживал до 40 лет, уже были стариками. Во Франции, скажем для сравнения, мужская продолжительность жизни составляла в 1900 г. примерно 50 лет, к этому показателю Россия приблизилась только в конце 1920-х гг.

Малая продолжительность жизни и плохое физическое состояние мужского населения объясняются тяжелыми условиями труда большинства россиян и состоянием медицины при последних Романовых. Например, французский профессор Э.Д. Дилон, живший перед мировой войной в России, так описывал социальное положение русских крестьян: «Русский крестьянин ложится спать в шесть и даже в пять часов зимой, т.к. у него нет денег купить керосин для керосинки. У него нет мяса, нет яиц, нет масла, нет молока, часто нет капусты, и живет он в основном за счет черного хлеба и картошки» (*Арин* 1999). Супруги Сидней и Беатриса Уэбб, известные английские социалисты, изучив положение крестьян в России, сами делают такой вывод: «Большинство крестьян в 1900 г. жили как крестьяне Франции и Бельгии в XIV веке» (*Webb and Webb* 1937, 809).

В Российской империи, согласно переписи 1897 г., «кормильцами», то есть лицами, полноценно участвовавшими в национальном производстве и содержавшими семьи, были признаны 34 млн человек из 128 млн населения страны, учтенных переписи-

стью. По оценке Н.Н. Головина, в экономике Российской империи реально было занято 24% ее населения, тогда как в Германии, США и Франции этот показатель колебался в пределах 38–40% (Головин 2001, 32–33). Отсюда Н.Н. Головин делал логичный вывод, что Россия экономически была абсолютно не готова к затяжной войне.

В других европейских государствах положение с призывом в военное время оказалось намного лучше (см. табл. 1). Как видно из таблицы, проблемы с призывом в случае войны должна была испытывать только Англия, всегда имевшая малочисленную армию. Из континентальных держав Россия оказывалась на последнем месте по возможностям военной мобилизации.

Таблица 1

Численность европейских армий в 1899 г.

Государства	В мирное время		В военное время	
	всего в тыс. человек	в % к населению	всего в тыс. человек	в % к населению
Россия	946	0,84	2729	2,41
Германия	521	1,08	2370	4,8
Франция	552	1,31	2005	4,77
Австро-Венгрия	317	0,73	1159	2,71
Англия	382	0,62	900	1,95
Италия	249	0,86	1164	3,86

Источник: Арин О. (1999). *Царская Россия: мифы и реальность*. М.: Издательство «Линор».

Ориентация режима Романовых на сдерживание индустриального роста путем поддержки помещиков и крестьянской общины привела к негативным демографическим последствиям. В результате Россия по ряду параметров: призыв резервистов, наличие достаточного количества физически здоровых мужчин, способность лиц старших возрастов служить в армии и полноценно работать в тылу — оказалась фатально не готовой к масштабной затяжной войне.

ДРЕДНОУТЫ ВМЕСТО ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Не очень удачный выбор союзников — это чисто политический просчет последнего Романова. За неэффективную оценку приоритетности театров военных действий ответственность несет во многом и генералитет. Ограниченность воинского контингента отражает отсталость Российской империи в целом. Но помимо этих трех были и другие просчеты, связанные с планированием развития вооруженных сил.

Прежде всего, есть основания полагать, что в Российской империи выбрали очень неудачное соотношение финансирования сухопутной армии и военно-морского флота.

Есть старая шутка, что у России есть только два верных союзника — ее армия и флот. Однако, если задуматься, военный флот тоже оказался не слишком надежным союзником: на протяжении всех войн XX в. он не столько сражался, сколько был сражаем. По мнению К.Ф. Шапилло, современный военный флот стал для России оружием очень дорогим, но при этом мало эффективным.

Накануне Великой войны Россия оказалась в очень невыгодном геополитическом положении. Ее экономика потребляла огромное количество импортных товаров, поскольку национальное хозяйство Российской империи не могло обеспечить себя промышленными и даже многими сырьевыми товарами (импортировались даже пасхальные яйца). В случае войны с Германией российский торговый флот оказывался за-

пертым в Балтике, а неограниченная подводная война лишала Россию также и полноценной торговли со Швецией и Данией. Таким образом, многое в экономическом положении Российской империи зависело от политической позиции Турции. Очевидно было, что турки, вероятнее всего, займут сторону Германии. Следовательно, и выход в Средиземное море тоже оказывался запертым для России. Владивосток и Архангельск из-за низкой пропускной способности железных дорог мало подходили для выполнения функций «ворот во внешний мир» (Головин 2001), да и транспортные издержки, связанные с перевозками на большие расстояния, были достаточно велики.

России надо было либо кардинально менять свою экономическую систему (развивать внутреннее производство, увеличивая финансирование тяжелой индустрии), либо создавать сильный флот, который мог хотя бы эффективно противостоять Османской империи. Россия выбрала второй путь.

Англо-турецкий контракт на постройку Британией для Турции двух дредноутов заставил Николая II резко увеличить сверхплановые ассигнования флота. В результате перед Первой мировой войной Морское министерство провело через Думу четыре судостроительные программы, имевшие общий бюджет около 800 млн руб. (Шацилло 1991).

Для понимания масштаба этой суммы сошлемся на Н.Н. Головина, который писал, что для увеличения боезапаса российской полевой артиллерии до европейских норм необходимо было перед войной потратить порядка 260 млн руб.; столь большая сумма, по его мнению, никогда не была бы одобрена правительством. В июле 1913 г. в Думу военным ведомством представлена программа по развитию артиллерии, бюджет которой составил 122,5 млн руб. (из них на увеличение боезапаса всей артиллерии — 97,7 млн), хотя, по расчетам ГАУ, только для перевооружения артиллерии требовалось 280 млн руб. (Шацилло 1991). Но даже для освоения производства артиллерийских боеприпасов на сумму 97,7 млн России потребовалось бы много времени. Правительство определенно не заботилось должным образом о создании новых производственных мощностей в военной промышленности.

Однако на развитие флота в период 1910–1914 гг. было потрачено свыше 700 млн рублей. Перед русско-японской войной Россия вложила 512 млн руб. бюджетных средств в постройку новых кораблей и в 1911 г. — почти столько же для создания к 1915 г. 4 линейных и 4 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок для Балтийского флота (Шацилло 1991). Армия оказалась явно обделена в пользу флота.

Для лучшего понимания проблемы сравним развитие российского военного флота и турецкого.

Разработанная для Османской империи британским адмиралом Гемблом большая программа по перевооружению ее флота имела бюджет примерно в 220 млн руб. Согласно замыслам Гембла, турецкий флот должен был получить в результате выполнения этой программы 7 линейных кораблей, 3 броненосных и 3 легких крейсера, 20 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок и 34 береговые субмарины (Шацилло 2000, 168). По расчетам же российских морских специалистов, строительство русской эскадры в составе 8 линейных кораблей, 4 линейных крейсеров, 9 легких крейсеров и 36 эсминцев должно было обойтись казне как в минимум 350 миллионов рублей (Шацилло 2000, 95).

Однако расчетная и реальная стоимости строительства боевых кораблей в России расходились. К тому же стоимость русского дредноута была выше, нежели его британского аналога. Например, сверхмощные дредноуты, заказанные Турцией в Англии в 1911 г., стоили по 15 млн рублей каждый, тогда как дредноут, построенный на российской верфи, обходился российскому бюджету в 21 млн руб. Кроме того, в отличие от российского флота, турецкие моряки могли получить британские дредноуты уже через

2–3 года после подписания контракта на строительство кораблей (Шаццлло 2000, 173). Германский дредноут стоил примерно 16–18 млн руб., но немецкие корабли работали в два раза быстрее, нежели русские.

В 1907 г. морской министр Диков предложил Николаю II сокращенную программу развития Черноморского флота. Она включала план постройки минных сил в составе 4-х легких крейсеров, 36 эсминцев и 6 подводных лодок, плюс к этому Диков предлагал перевооружить и отремонтировать старые линейные корабли (значительно уступавшие дредноутам британской постройки), а также создать подвижную береговую оборону на Черном море (Шаццлло 2000, 176). Бюджет этой программы составил 132 млн руб., хотя в планах Дикова нет ни одного тяжелого боевого корабля. Сравним проект Гембла с планом Дикова, и мы увидим высокие издержки российского боевого кораблестроения. Вычтем из бюджета проекта Гембла сумму, которая могла уйти на постройку семи линейных кораблей турецкого флота (это примерно 105 млн руб.). Получается, что создание минного флота (включая и субмарины) и 6-ти крейсеров должно было обойтись турецкой казне в 115 млн руб. При этом военный потенциал созданных на эти 115 млн рублей турецких морских сил однозначно превышал российские минные силы, запланированные Диковым на сумму в 132 млн.

Несмотря на огромные затраты государства на нужды военно-морского ведомства (см. табл. 2), российский флот так и не получил к 1914 г. новых боевых кораблей в достаточном количестве (см. табл. 3). Российская империя, дополнительно затратив больше всех других стран на строительство флота, к началу войны получила меньше всего новых боевых кораблей. Ее крейсерский флот оказался карликовым по сравнению с другими морскими державами, он почти в 2 раза уступал по численности даже флоту Италии.

Таблица 2

Расходы на флот в фунтах стерлингов (1 фунт = 10 золотым рублям)

Государства	1907–1908 гг,	1913–1914 гг,	Абсолютное увеличение	Рост в %
Россия	8.850.240	24.249.454	15.399.214	173,9
Великобритания	31.251.156	46.809.000	15.058.144	48,2
Германия	14.225.000	23.039.194	8.824.194	61,9
Франция	12.486.798	20.847.763	8.360.970	67,0
США	21.260.732	29.498.867	8.238.135	38,8
Италия	5.661.822	10.157.846	4.496.024	79,0
Австро-Венгрия	2.713.540	6.600.551	3.887.011	143,0
Япония	7.371.772	9.860.912	2.489.135	33,7
Всего:	103.821.060	170.563.867	66.742.827	64,5

Источник: Шаццлло К.Ф. (2000). От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). С. 213.

Правомерно спросить, насколько вообще необходим был для России сильный военный флот. Можно вспомнить, что в 1877–1878 гг. Россия, имея на Черном море очень слабый флот, победила Османскую империю почти исключительно за счет успехов в сухопутных операциях. Но после русско-японской войны 1904–1905 гг. в Санкт-Петербурге взяло верх военно-морское лобби, направившее ограниченные финансовые ресурсы на производство вооружений с низкой предельной полезностью.

Линейные корабли дредноутного и новые крейсера разных классов на 1 августа 1914 г.

Государства	Линейные корабли дредноутного типа (для Великобритании включены и линейные крейсера)	Новые крейсера (без линейных крейсеров для Великобритании, для России учтены и старые крейсера)
Россия	4	14
Германия	13	55
Великобритания	30	92
Франция	7	32

Если бы, конечно, довооружение российского флота шло теми форсированными темпами, как и намечалось в 1910 г., то был бы толк. Однако развитие русского флота, если сравнивать с зарубежным опытом, шло черепашьими шагами (как, впрочем, и все остальное в Российской империи при Николае Романове). Например, на строительство немецкого линейного корабля дредноутного типа «Нассау» ушло 26 месяцев (*Печуко-нис* 2005), в то время как русский линкор «Император Александр III» был заложен летом 1911 г., а принят на вооружение Черноморским флотом более чем через 5 лет, зимой 1917 г. (*Мельников* 2003). Печально известный российский линкор «Императрица Мария» был заложен в июне 1911 г. и введен в строй в июле 1915 г. — полный процесс его постройки занял около 4-х лет. При этом специальная военная комиссия, принимавшая линкор «Императрица Мария», выявила ряд недостатков корабля, в частности слишком высокую температуру в пороховых погребах (что, вероятно, и стало причиной взрыва этого судна в октябре 1916 г.).

Увлечение кораблестроением было всегда типично для военной политики Николая Романова. Перед русско-японской войной в постройку Тихоокеанского флота были вложены колоссальные средства, что встретило безуспешное сопротивление Витте. Потеряв в Порт-Артуре и при Цусиме почти весь свой военный флот, России пришлось в ущерб перевооружению сухопутных сил вновь затратить огромные средства на судостроение. Это встретило сопротивление начальника СГО великого князя Николая Николаевича, результатом чего, однако, стала его отставка и расформирование самого СГО (*Шацилло* 2000, 147). Правительство с упорством, достойным лучшего применения, безуспешно пыталось сделать Россию сильной военно-морской державой, обделяя ради этого сухопутную армию.

ДЕШЕВАЯ АРМИЯ, КОТОРАЯ ОБОШЛАСЬ РОССИИ ОЧЕНЬ ДОРОГО

До Первой мировой войны российское военное ведомство придерживалось стратегии дешевой армии и экономило на всем, особенно на подготовке личного состава. Мощности военных заводов почти не увеличивались, программы, нацеленные на это, работали медленно.

В отечественной научной литературе написано много о проблеме снабжения российской армии и флота оружием и боеприпасами. Однако чисто экономические причины того, почему с самого начала войны возник кризис снабжения вооруженных сил, рассмотрены многими авторами достаточно поверхностно. Так, К.Ф. Шацилло пишет о высокой стоимости боевых кораблей и нехватке производственных мощностей в промышленности. У Н.Н. Головина написано много о дефиците рабочих рук и производственных мощностей в индустрии, что и стало причиной бедственного положения

с производством вооружения и боеприпасов. Но при этом не выявлено коренных причин данного положения.

Многие авторы (как, например, К.Ф. Шацилло) считают, что источником кризиса снабжения армии в годы Первой мировой войны стал царский режим сам по себе — режим, давивший гражданские свободы. Однако надо сказать, что политический строй кайзеровской Германии и Австро-Венгрии был не менее консервативен, нежели режим Романовых в России. Уровень либерализации и демократизации политических институтов, как показал опыт обеих мировых войн, повлиял на развитие вооруженных сил противоборствовавших государств отнюдь не прямолинейно (в некоторых случаях, как во Франции, слишком много демократии вообще привело к военным неудачам).

Индустриальные экономики Франции, Германии и Великобритании, оказавшись перед лицом затяжной войны, имели реальные внутренние возможности для мобилизации ресурсов. Этого нельзя сказать о России с ее аграрной экономикой и хронической нехваткой квалифицированной промышленной рабочей силы.

Главной особенностью российского экономического развития вплоть до революции стал резкий дисбаланс в пользу аграрного сектора. В итоге ресурсов в промышленности не хватало, особенно дефицитной была квалифицированная рабочая сила для предприятий оборонно-промышленного комплекса. Это негативно отразилось и на стоимости, и на количестве военной продукции. Мы не будем останавливаться на всех аспектах издержек военного производства в России, обратимся только к производству боеприпасов, так как этот фактор сыграл ключевую роль в развитии событий Первой мировой войны.

Снарядный голод, имевший место в российской армии вплоть до конца войны, был вызван нехваткой производственных мощностей. Казенные заводы империи могли произвести за год лишь около 600 тыс. снарядов калибра 75 мм (основного калибра полевой артиллерии русской армии). В конце 1916 г. Ставка определила годовую потребность в снарядах в 42 млн штук для орудий упомянутого калибра (в реальности российская артиллерия нуждалась в гораздо большем количестве снарядов основного полевого калибра) (Головин 2001, 68–70). Когда тыл обеспечивает примерно 1,5% нужд фронта, от армии трудно ожидать побед.

Кроме того, когда началась война, военный министр Сухомлинов не придумал ничего более умного, как призвать на фронт всех квалифицированных рабочих частных предприятий. В результате такой мобилизационной политики заводы России оказались практически без рабочих рук. Спешно создаваемые впоследствии группы из неквалифицированных рабочих не могли заменить выбывших специалистов. Поэтому и частный сегмент промышленного производства не мог в полной мере удовлетворить потребностей фронта в снарядах и прочих боеприпасах.

Самое печальное в том, что Россия едва ли смогла бы развернуть производство артиллерийских боеприпасов в должных количествах, даже получи ГАУ необходимые средства на реконструкцию военных заводов. Проблема была гораздо более глубокой. Сырья для военной промышленности, какими бы мощностями она ни обладала, все равно не хватало.

Напомним некоторые данные об отставании российской экономики. В России в 1913 г. выплавлялось стали на душу населения в 11 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии, в 6 раз меньше, чем в Англии, в 4 раза меньше, чем во Франции. Добыча каменного и бурого угля на душу населения была в 26 раз меньше, чем в США, в 31 раз меньше, чем в Англии, в 15 раз меньше, чем в Германии, и в 5 раз меньше, чем во Франции (Развитие советской экономики 1940, 9).

Могла ли в принципе Российская империя при таком экономическом отставании решить проблему со снабжением своих вооруженных сил в разгар Первой мировой войны?

Производство вооружений в годы Первой мировой войны

Виды военной техники и боеприпасы	Германия	Австро-Венгрия	Франция	Англия	Россия	Италия	США	Всего
Винтовки (в тыс.)	8547	3500	2500	3854	3300	2400	3500	27601
Пулеметы (в тыс.)	280,0	40,5	312,0	239,0	28,0	101,0	75,0	1075,5
Артиллерийские орудия (в тыс.)	64,0	15,9	23,2	26,4	11,7	6,5	4,0	151,7
Минометы (в тыс.)	12,0	—	3,0	2,5	—	—	0,6	18,1
Танки (в тыс.)	0,1	—	5,3	2,8	—	—	1,0	9,2
Самолеты (в тыс.)	47,3	5,4	52,1	47,8	3,5	12,0	13,8	181,9
Артиллерийские снаряды (в млн шт.)	306,0	80,0	290,0	218,0	67,0	70,0	20,0	1051,0
Патроны (в млрд шт.)	8,2	4,0	6,3	8,6	13,5	3,6	3,5	47,7
Автомшины грузовые (в тыс.)	65,0	—	110,0	87,0	20,0	28,0	30,0	340,0

Источники: Шигагин Г.И. (1956). *Военная экономика в Первую мировую войну*. М.: Воениздат.

Учитывая, что с конца 1914 г. российская армия нуждалась в 10 млн снарядов всех калибров в месяц, российская военная промышленность обеспечила за весь период Первой мировой войны армию снарядами едва ли на 7 месяцев боевых действий (табл. 4). Правда, немалое количество артиллерийских снарядов Россия получала от союзников. Но производственные возможности последних тоже были ограничены, к тому же Франция и Великобритания «не очень» желали делиться с Россией дефицитными военными ресурсами.

Основным аспектом проблемы «снарядного голода» российской армии был недостаток цветных металлов. Гильзы для артиллерийских снарядов делались и делаются с использованием меди, а к 1917 г. добыча медной руды на территории Российской империи почти закончилась. Старые запасы меди и цветных металлов в целом оказались исчерпаны в результате резкого увеличения их добычи в разгар войны, новые же месторождения не осваивались (Юркова 2004).

По мнению Сухомлинова и его окружения из числа военных чиновников, российской армии было необходимо примерно 5 300 тыс. снарядов в месяц, для чего потребовалось бы приблизительно 3 тыс. т меди. Годовая норма выплавки меди, согласно планам выпуска снарядов, должна была составить около 36 тыс. т. В реальности же Россия, по данным на 1916 г., выплавляла примерно 21 тыс. т, плюс к этому импортировала около 6 тыс. т этого металла. Нехватку в 10 тыс. т меди покрыть было нечем.

К тому же надо учесть, что медь требуется еще и для производства винтовочных патронов. Для выпуска их среднегодовой нормы для российской армии в конце Первой мировой войны требовалось не менее 15 тыс. т меди. Следовательно, Российской империи было необходимо только для производства годовой нормы винтовочных патронов и артиллерийских снарядов иметь 51 тыс. т меди. Фактически она имела только 27 тыс. т — чуть больше половины.

При таком состоянии цветной металлургии Россия едва ли могла вести длительную войну. Верховное командование прекрасно понимало эту проблему, поэтому военная стратегия Российской империи была построена на «блицкриге» — расчете победить в войне в течение примерно года. Поскольку «блицкриг» в 1914–1915 гг. решительно не удался, российская армия начала буквально агонизировать.

* * *

Подведем итоги нашего анализа социально-экономических причин поражения Российской империи в Первой мировой войне.

Мы перечислили пять факторов, каждый из которых сам по себе достаточен для объяснения того, почему Россия не могла выиграть в Первой мировой войне. Главные социально-экономические причины поражения царской России можно перечислить в следующей последовательности:

- подчинение России интересам западных союзников по Антанте, которые стремились возложить на нее максимальные издержки войны, но не допустить Россию к разделу выгод от победы;
- неудачный выбор приоритетного театра военных действий — Восточного фронта (против Германии и Австро-Венгрии) вместо Кавказского (против Турции);
- относительно низкий контингент призывников, не позволяющий создать подавляющее численное превосходство над противником;
- неудачная структура довоенного финансирования модернизации вооруженных сил — высокие и малоэффективные расходы на военно-морской флот в ущерб сухопутной армии;
- недостаточность производства вооружения (прежде всего, снарядов и патронов) для армии из-за истощения производства меди.

Катастрофические итоги русско-японской войны должны были послужить для Российской империи тревожным звонком, поскольку уже тогда дали себя знать некоторые из перечисленных факторов. Однако его не пожелали услышать. Более того, если поражение в войне с японцами можно в известной степени считать результатом случайности, то проигрыш Великой войны был для Российской империи буквально неизбежным.

ЛИТЕРАТУРА

- Арин О.* (1999). Царская Россия: мифы и реальность. М.: Издательство «Линор».
- Головин Н.Н.* (2001). Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле.
- Мельников Р.М.* (2003). Линейные корабли типа «Императрица Мария». СПб.: Издательство «Гангут».
- Печуконис Н.И.* (2005). Дредноуты кайзера. Стальной кулак имперской политики. М.: Военная книга.
- Развитие советской экономики. М., 1940.
- Шаццлло К.Ф.* (2000). От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Шаццлло К.Ф.* (1991). Последние военные программы Российской империи // *Вопросы истории*. № 7–8.
- Шигалин Г.И.* (1956). Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат.
- Юркова Т.И.* (2004). Экономика цветной металлургии: Тексты лекций. Красноярск.
- The Economics of the World War I. Ed. by S.N. Broadberry, M. Harrison. Cambridge University Press. 2005.
- Webb, S. and Webb, B.* (1937). Soviet Communism: A New Civilization? London: Victor Gollancz.